

Пускай эти слова и отдавали изрядной долей юношеского максимализма, Цзян Шэн, взглядевшись в открытое лицо Лу Яня, понял: тот не притворяется. Похоже, это действительно было его жизненным кредо.

Цзян Шэн погладил устроившегося на коленях пухлого котёнка по мягкой макушке и негромко спросил:

— Будет опасно, верно?

— Ещё как, — отозвался Лу Янь. — Полно беспринципных тварей, готовых шантажировать других игроков их же близкими в реальном мире, лишь бы заставить сотрудничать. Или просто отбирать чужие карты предметов. Подобной грязи здесь хватает.

Цзян Шэн усмехнулся:

— Звучит так, будто ко мне это мало относится. Близких людей у меня нет, да и ценными игровыми предметами я пока не обзавёлся.

Лу Янь, тронутый его абсолютным спокойствием, тихо обронил:

— Появятся. И близкие, и предметы.

Цзян Шэн не расслышал его бормотания:

— Что ты сказал?

Лу Янь не стал повторяться. Вместо этого он принялся объяснять правила получения игровых предметов:

— Я говорю, после каждого раунда система сама определяет тройку лучших — тех, кто проявил себя ярче всех и внёс наибольший вклад.

— А затем выдаёт им награду в виде карт предметов: за первое место — три, за второе — две, за третий результат — одну. Но что именно тебе достанется — чистая лотерея.

Он сделал паузу и добавил:

— Эти вещи можно продавать и покупать, тут есть свой чёрный рынок. В зависимости от полезности предмета цена колеблется от нескольких тысяч до сотен тысяч.

Цзян Шэн слегка оживился и молча ждал продолжения.

Заметив это, Лу Янь нахмурился и предостерегающе добавил:

— Но учти: эти карты жизненно необходимы для выживания, а жизнь стоит гораздо дороже любых денег. Так что здесь действует негласное правило: только покупать, ничего не продавать.

Цзян Шэн понятиливо кивнул. Он не стал допытываться, для чего тогда вообще существует этот рынок.

Затем он спросил о том, что действительно не давало ему покоя:

— Если всё так, как ты говоришь, и мы находимся в каком-то параллельном измерении...

Он на мгновение запнулся, подбирая слова.

—...и затянуло нас сюда потому, что наши земные желания были слишком сильны, и местная чертовщина их услышала... Что будет, если я перестану этого хотеть? Смогу я тогда больше не возвращаться в игру?

Лу Янь бросил на него странный, трудночитаемый взгляд, но ответил вполне серьёзно:

— Если человек действительно избавляется от желаний, то после завершения текущего раунда он может навсегда покинуть это место. Вот только возможно ли это?

Он горько усмехнулся:

— Деньги, слава, власть... Всё, к чему люди стремятся всю жизнь, эта игра преподносит на блюдечке. Стоит лишь победить, и любое твоё желание, реальное или несбыточное, исполнится.

Лу Янь вдруг понизил голос до таинственного полущёпота:

— Здесь можно даже продлить свою жизнь. Или вернуть тех, кто уже мёртв.

Он покачал головой:

— Человеческая алчность безгранична, а награда за прохождение слишком сладка. Каким святым нужно быть, чтобы добровольно отказаться от такой возможности?

Лу Янь ненадолго задумался, допуская иную вероятность:

— Ну, или если страх смерти окажется сильнее вожделения. Тогда система зачтёт это как добровольный отказ.

Он вздохнул:

— Но время — лучший целитель. Многие из тех, кто возвращается в реальность, со временем забывают первобытный ужас, который здесь испытали.

— К тому же система стирает им память. И когда жадность берёт своё, они возвращаются сюда снова и снова.

Лу Янь говорил это, глядя куда-то в пустоту, но Цзян Шэн почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Ему казалось, что когда этот парень улыбается, его душа остаётся ледяной.

И всё же столь длинный и подробный рассказ пошатнул его первоначальный скепсис.

«Либо он безумец, страдающий тяжёлой формой психоза, либо — рекламный агент этой чертовщины»

Цзян Шэн взвесил обе версии. Третий вариант — поверить, что они действительно оказались в параллельном пространстве — казался совсем уж нелепым. Он решил не забивать себе голову тем, чего всё равно пока не мог проверить, и перевёл разговор на более насущную тему:

— Когда система объявила правила, я внимательно наблюдал за остальными. Точно знаю, что номера первый, шестой и одиннадцатый выбрали свои карты раньше меня. Но к моему ходу уже были разобраны три божества и три оборотня. Кто эти трое оставшихся?

Лу Янь на мгновение задумался:

— Могу лишь предполагать, а ты уж сам думай, верить или нет. Мне кажется, один из них — седьмой номер. А двое других прячутся среди тех девчонок, что ревели и дрожали от страха.

Цзян Шэн согласно кивнул. Он не стал расспрашивать о логике этих выводов: когда ответ уже известен, подогнать под него решение не составляет труда.

— Но зачем системе устраивать эту ярмарку тщеславия, вместо того чтобы раздать карты вслепую? — поинтересовался он. — К чему давать нам видеть чужие выборы?

Лу Янь усмехнулся:

— О, это местное представление о демократии. Слышал фразу из того фильма: «Моя судьба — в моих руках, а не в воле небес»? Система обожает создавать иллюзию того, что игроки сами вершат свою судьбу. А открытый выбор нужен лишь для одного — чтобы посеять семена раздора и паранойи.

Он покачал головой:

— Местный искусственный разум на редкость гнилой. Больше всего на свете ему нравится смотреть, как люди грызут друг другу глотки в бессмысленных подозрениях.

Цзян Шэн не стал комментировать его личную неприязнь к системе.

— Но если мы восстановим хронологию выбора, то сможем вычислить...

— И ты всерьёз поверишь тому, что они наплетут? — перебил его Лу Янь. — Можешь прямо сейчас пойти и попробовать собрать статистику. Начнём с того, что большинство даже не признаются, мирные они жители или нет.

Возразить на это было нечего.

— Если ты считаешь, что здесь каждый готов воткнуть нож в спину, почему ты так откровенен со мной? — спросил Цзян Шэн.

Лу Янь лениво приоткрыл глаза:

— Назови это судьбой. Тебе не кажется, что у нас идеальная совместимость?

Цзян Шэн тактично промолчал, подавив лаконичное «не кажется», и лишь неопределённо повёл плечом. Лу Янь, прекрасно заметив эту внутреннюю борьбу, лишь понимающе усмехнулся.

Когда важные темы иссякли, Цзян Шэн окинул взглядом комнату Лу Яня. Его внимание привлекла одна странность: почти все вещи здесь были парными. Но это не походило на типичное гнёздышко влюблённых — скорее, предметы просто дублировали друг друга в единой цветовой гамме.

— Ты... живёшь с девушкой? — не удержался он от вопроса.

Лу Янь явно не ожидал такого поворота событий.

— Я похож на парня, у которого есть девушка?

— Тогда... брат или сестра? — предположил Цзян Шэн.

Лу Янь мгновенно перестал улыбаться. Он замолчал, уставившись в стену. В комнате повисла тяжёлая, неловкая тишина.

Цзян Шэн не понимал, какая именно деталь его вопроса вызвала эту мгновенную ментальную заморозку, но факт оставался фактом: дружелюбный собеседник ушёл в себя, как захлопнувшаяся раковина.

— Не забивай голову. Система выдала этот люкс на своё усмотрение, — глухо бросил Лу Янь, заваливаясь на кровать и отворачиваясь к стене. В его голосе сквозила подавленная тоска.

«Странно. Мою комнату система обставила в точном соответствии с моими вкусами»

Но Цзян Шэн вовремя прикусил язык, понимая, что сейчас не время для подобных откровений.

Посмотрев на уткнувшегося в подушку парня, он решил не лезть чужой душе в потёмки. Он не стал вымучивать утешения, просто тихо поблагодарил его, пообещал скоро увидеться и, бережно прижав к себе сонного толстого котёнка Сяо И, направился к выходу.

Лу Янь лишь слабо махнул рукой на прощание, не оборачиваясь:

— Держись подальше от остальных.

Прикрыв за собой дверь, Цзян Шэн медленно пошёл по коридору, прокручивая в голове их разговор.

Насколько высоки шансы, что всё происходящее — не чей-то дурацкий розыгрыш, а реальный фантастический триллер? Убеждённость, с которой говорил Лу Янь, заставила его поставить жирный знак вопроса там, где раньше красовалась стопроцентная уверенность в банальном пранке.

Он спустился на первый этаж, бесцельно побродил по просторному холлу и заглянул на кухню. Никаких улик или тайников он не обнаружил, зато прихватил из холодильника горсть замороженной клубники.

В конце концов, это не квест с поиском ключей, а игра на выживание, где главным оружием была актёрская игра и умение блефовать.

В гостиной на диване устроились четверо девушек — номера четвёртый, пятый, десятый и двенадцатый. Те самые «подозреваемые», о которых упоминал Лу Янь.

Когда Цзян Шэн вежливо поздоровался с ними, они так искренне запаниковали, что он невольно вспомнил фразу про «весь мир — театр».

Он устроился в некотором отдалении, заняв глубокое одиночное кресло. Цзян Шэн прекрасно понимал, что в глазах окружающих он и сам выглядит как потенциальный оборотень, так что лишний раз провоцировать девчонок не имело смысла.

Вскоре его ненавязчивое присутствие перестало их пугать, и они вернулись к прерванной беседе.

Девчонки болтали обо всём на свете, кроме самой игры. Стоило кому-то неосторожно коснуться опасной темы, как в ответ тут же неслось испуганное «я ничего об этом не знаю», и разговор сворачивал в другое русло.

Из их щебета Цзян Шэн выудил немного личной информации. Четвёртый и пятый номера оказались студентками. Пятая, Ли Ливэнь, училась на каком-то престижном техническом факультете в ведущем вузе страны. Четвёртая, Ван Жонань, была студенткой обычного провинциального университета.

Номера десятый и двенадцатый уже давно закончили учёбу. Десятая, Чжан Сыцяо, преподавала иностранные языки в частном учебном центре — фактически коллега Цзян Шэна. Двенадцатая же, эффектная брюнетка лет тридцати по имени Чу Синь, работала менеджером по продажам в крупной корпорации. Она заметно выделялась на фоне испуганных студенток: яркий макияж, уверенная осанка и лёгкий флёр зрелой женственности выдавали в ней опытную хищницу.

Послушав их ещё немного, Цзян Шэн ненавязчиво поинтересовался:

— А где седьмой игрок? Почему она не с вами?

— Без понятия... Наверное, сидит у себя, — уводя взгляд в сторону, буркнула Чжан Сыцяо.

Ван Жонань закатила глаза и фыркнула:

— Да кто после её диких предложений захочет держаться к ней близко? Не удивлюсь, если она просто строит из себя овечку, а сама — безжалостный маньяк.

Ли Ливэнь и Чу Синь промолчали, но их согласные кивки говорили сами за себя.

Цзян Шэн спросил об этом без задней мысли. Как школьный учитель, привыкший к чёткому делению на мальчиков и девочек на переменах, он подсознательно ожидал, что все девчонки будут держаться стайкой.

Но услышав их реакцию, он остро ощутил контраст: это место не было ни школой, ни офисом. Это игра, где на кону стояли их жизни.

Они почуяли в седьмой угрозу и просто отсекали её от своей компании. Кто-то назвал бы это жестоким бойкотом, но в условиях смертельной опасности инстинкт самосохранения не подлежит моральному суду. Спасение собственной шкуры — закон природы.

Цзян Шэн понимающе кивнул и плавно сменил тему:

— А что вы думаете насчёт слов восьмого? О том, что мы заперты в каком-то чужом измерении?

Все четверо синхронно уставились на него.

— Да какая разница, что мы думаем? — резко бросила Ван Жонань. — Нам всё равно остаётся только смириться.

— Я имел в виду другое, — мягко возразил Цзян Шэн. — Вы верите в это? В то, что за гранью нашего мира действительно существует эта пустота?

Ван Жонань и Чжан Сыцяо промолчали, но по их хмурым лицам было ясно: они верят.

— Я тут впервые, — нерешительно подала голос Ли Ливэнь. — Но мой университетский куратор когда-то рассказывал похожие жуткие истории...

Чу Синь изящно закинула ногу на ногу и прикурила тонкую дамскую сигарету. Дым оказался на удивление мягким и ароматным.

— Когда я попала сюда в первый раз, у меня были точно такие же сомнения, — затянувшись, холодно произнесла она. — Но продержишься до финала — и сама всё поймёшь.

Она сощурилась, глядя сквозь сизую дымку на Ли Ливэнь:

— Если, конечно, выживешь.

Почувствовав ледяной тон Чу Синь, Ли Ливэнь поспешила перевести разговор на Цзян Шэна, чтобы сгладить неловкость:

— А ты тоже новичок? Я почему-то решила, что ты из бывалых... Ты держался так невозмутимо во время инструктажа. Ни капли страха.

Благодарный за попытку разрядить обстановку, Цзян Шэн поддержал пустой разговор, но вскоре распрощался и пошёл к себе. Сидеть там дальше было бессмысленно.

«Невозмутимо?»

Он мысленно покачал головой. Просто до сих пор он не воспринимал эту смертельную лотерею всерьёз, списывая всё на масштабное, хоть и пугающее реалити-шоу. Реальность происходящего упрямо не желала укладываться в голове. Наверное, пока смерть не посмотрит ему в лицо лично, его сердце так и будет биться в своём обычном, спокойном ритме.

Поднимаясь к себе, он услышал, как за его спиной Чжан Сыцяо жалуется на невыносимую рутину реальной жизни, козни коллег и офисные интриги, подводя черту: верить нельзя вообще никому, кроме самых близких.

— Ну не до такой же степени! — искренне изумилась Ли Ливэнь.

— Ещё как до такой! — отрезала Чжан Сыцяо. — Ты пока жизни не видела. Вот закончишь универ, устроишься на работу — сама поймёшь.

«Вам не придётся ждать окончания университета. Очень скоро местная реальность преподаст вам этот урок в самой жёсткой форме»

И самым жестоким учителем, без сомнения, станет тот, кто сидит с ними за одним игровым столом.

Цзян Шэн вернулся в свою комнату и запер дверь на засов. Бережно уложив спящего котёнка в мягкую корзинку, он растянулся на кровати, пытаясь разложить скудные факты по полочкам.

Но мозаика не складывалась — слишком мало было вводных данных. В конце концов, отказавшись от бесплодных размышлений, он закрыл глаза и провалился в лёгкую дрему.

<http://bllate.org/book/20126/2028890>